

УДК 821.160.1 (Русская литература)

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2024 С.Р. Недбайлик, Н.К. Дмитриева

*Недбайлик Сабина Рудольфовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
немецкого и французского языков Института иностранных языков*

E-mail: snedbailik@mail.ru

*Дмитриева Наталья Константиновна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей*

E-mail: nataliadmitrie@yandex.ru

Института иностранных языков

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

Статья поступила в редакцию 10.10.2024

В данной статье рассматриваются основные направления эволюции эпиграмматического стиля в русской литературе различных исторических периодов. В этой связи проводится диахронический обзор характерных особенностей и проявлений жанра, с акцентированием генетических связей эпиграммы с малыми формами фольклора, такими как: частушки, потешки, песни-шутки, пословицы, поговорки, прибаутки и многие другие. Говоря о значимости исторических литературных традиций в становлении русского эпиграмматического стиля как такового, автор отдает дань бесспорной самобытности и уникальности жанру так называемого «обличительного слова», который в течение долгого времени существовал параллельно с различными фольклорными формами. Именно это и обусловило широкие возможности варьирования специфических особенностей и характерных черт эпиграмматического стиля в российской литературе. Результаты комплексного анализа значительного объема теоретического и практического материала, выполненного в рамках данного исследования, свидетельствуют о том, что лучшие традиции малого эпиграмматического жанра нашли свое достойное воплощение и продолжение во все исторические эпохи и имеют бесспорную перспективу дальнейшего успешного развития в настоящем и в будущем.

Ключевые слова: эпиграмма, фольклор, басня, эпитафия, жанр, стиль, форма, русская литература

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-57-65

EDN: OJCIEN

Введение. Как известно, в России почва для эпиграмматического творчества была подготовлена фольклором – такими жанрами, как частушки, потешки, песни-шутки, а также колкими пословицами, поговорками, прибаутками, типа «жить было весело, да есть нечего», «хорош пень в вешний день, а все пень», «и ряб, да божий раб, гладок, да гадок» и др. Элементы эпиграмматического жанра в российской литературе появились рано, причем даже в серьезном ракурсе «обличительного слова», восходившего корнями к традиции византийского учительского наказа. Эпиграмма, как правило, высмеивала идоломоление, волхвование, верование в «птичий грай», ритуальные пляски, сохранившиеся еще от дохристианской веры [9]. Из человеческих пороков чаще всего становились мишенью пьянство, златолюбие, поклеп, злосердие, ложь и блуд.

История вопроса. В эпоху барокко созрела и общественно-историческая обстановка для изящной сатиры. Зарубежные басни и эпиграммы

переводились на русский язык, отечественные остроловы осваивали новые форму и стиль. Личностное начало, неведомое литературе русского средневековья, побуждало к разработке ранее не культивировавшихся жанров. В результате этого пробуждения личности, а также социально-исторической дифференциации общества, т.е. возникновения новых черт мировосприятия, появляется и тяга к художественно-публицистическим жанрам, и, прежде всего, к эпиграммам и эпитафиям, о которых в XVIII столетии уже можно говорить как о самостоятельном направлении. И, как всегда, возникает вопрос: а какой цели должна служить столь ёмкая форма?

Известный общественный деятель, проповедник и публицист, архиепископ Ф. Прокопович (1681-1736), прекрасно знавший латынь, риторику, поэтику и теорию литературы, считал, что эпиграмма – не пустяк, а «польза Отечеству» [9, с.236]. Именно поэтому модные на тот момент «куриозные» вирши – палиндромы или «рачы

стихи» – он считал бесполезными, а эпиграммы возвел на высоты политического звучания. Его убийственный сарказм придавал этим миниатюрам оттенок остросоциального плана. Примером

может быть миниатюра Прокоповича, изначально написанная на латинском и адресованная медику и путешественнику Георгу Стеллеру, адъюнкту Петербургской Академии наук:

Случай с врачом Стеллером

Пока Стеллер, добрый врач, подбирал лекарство,
Его больной отошел в загробное царство.
Родственники, как могли, пережили бедство,
Прах его предав земле, разделив наследство
И когда они уже слезы осушили,
Дружно прокляли врача и о нем забыли.
Наконец, явился врач, закричав гневливо:
«Отчего злодейка смерть так нетерпелива!» [7, с. 283].

Методы исследования. В работе использованы такие методы, как: сравнительный анализ поэтических текстов, диахронический, литературоведческий, стилистический анализ.

Результаты исследования. Литературоведы считают, что у истоков русской эпиграммы одну из наиболее значимых позиций занимает и последователь Ф. Прокоповича – А. Кантемир (1708-1744), переводчик с французского и один из основоположников русского сатирического направления. По словам В. Г. Белинского, это направление развития «со времен А. Кантемира сделалось живою струёю всей русской литературы, определив на протяжении XVIII-XIX вв.

пафос нашей словесности» [6, с. 132]. А. Кантемир выразил назревшую потребность растущего национального и эстетического самосознания российского общества, верхушка которого еще явно тяготела в своих литературных привязанностях к классицизму. Так, реальный мир стал находить все большее отражение не в парадных одах и трагедиях, а в так называемых «низких» жанрах: стихотворной сатире и сказке, басне, комической поэме, комедии [1, с. 10]. В своих острых миниатюрах А. Кантемир обличал глупость и амбициозность, сословные предрассудки и «злонравие вообще». Можно привести несколько примеров:

На Брута

Умен ты, Бруте, порук тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глуп. Как то может статься?
Изрядно, и, как я мню, могу догадаться:
Умен ты молча; а глуп, как говорить станешь [7, с. 206].

На старуху Лиду

На что Друз Лиду берет? дряхла уж и седа,
С трудом ножку воробья сгрызет в пол-обеда. –
К старине охотник Друз, в том забаву ставит;
Лидой медалей число собранных прибавит [7, с. 195].

Имена персонажей в произведениях А. Кантемира, как правило, стилизованы в античном духе – ведь любому поэту-сатирику важна критика обобщенных и вечных пороков.

Большую роль в становлении русской эпиграммы играла и опора на раннюю европейскую традицию, что обусловило обилие переводных

виршей, широкое заимствование сюжетов у наиболее известных мастеров малых жанров. Однако это не подразумевало механической трансплантации: русские литераторы по-своему интерпретировали иностранные произведения, приспособивая их к местным условиям, облачая в национально-самобытную форму [1, 6]. Таким

образом, эпиграммы и эпитафии способствовали обогащению отечественной поэзии и дальнейшему формированию русского языка. Собственно, именно такой же колеёй двигались и сами зарубежные авторы, осваивая творческое наследие античного периода. Так, известный российский писатель и драматург А. П. Сумароков (1717-1777) в своем труде о стихотворстве верно очертил типичные особенности основных сатирических

жанров тех лет. Начал поэт с комедии, указав, что ее основное предназначение - «издевкой править нрав». А «в сатирах должно все пороки осуждать, безумство пышное в смешное превращать...». Не менее ясно им изложено и назначение басен: «Склад басен должен быть шутив, но благороден, И низкий в оных дух к простым словам пригоден» [8, с. 215]. Между суждениями о сатире и басне заходит, разумеется, речь и об эпиграмме:

Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм.
Они тогда живут, красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты,
Быть должны коротки, и сила их вся в том,
Чтоб нечто вымолвить с издевкой о ком [8, с. 229].

Сам же А.П. Сумароков оказался и наиболее плодовитым отечественным эпиграмматистом XVIII в. Тематика его эпиграмм широка и

разнообразна, а многие из его остроумных высказываний и сегодня не потеряли своей актуальности, например:

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног [8, с. 197].

Помимо носителей бытовой и политической проблематики, эпиграммы представляли значимость как орудие литературной полемики. В этом были замечены такие титаны, как М.М. Херасков (1733-1807), М.В. Ломоносов (1711-1765), Г.Р. Державин (1743-1816), равно как и многие их последователи, хотя их взгляды на жизнь, интересы и

кругозор были неизменно шире и касались не только науки управления государством, но и многого другого [1]. Так, в эпиграммах М.В. Ломоносова, человека науки, уже в те давние времена отражалась вера в бесконечное могущество будущей медицины:

«Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись оставил свет...
А звал бы вовремя врача,
Была бы ночка горяча...» [7, с. 237].

Общая тенденция развития русской эпиграммы в XVIII столетии характеризуется интенсивностью и стремительностью. За сравнительно короткий срок она прошла путь от начинаний Ф. Прокоповича, писавшего некоторые свои произведения на латыни, до весьма совершенных русскоязычных образцов этого жанра [7, с.125]. Причем период ученичества фактически отсутствовал: уже первые опыты А. Кантемира дали вполне зрелые плоды, отмеченные печатью высокого мастерства и редкого таланта. И все же, после блестящего успеха А. Кантемира, по мнению ряда литераторов, возможно, в связи с инерцией восприятия, эпиграммы и эпитафии еще некоторое время оставались «младшими сестрами» и находились на периферии литературного

процесса [9]. На одно из почетных мест их вывел именно А.П. Сумароков, поставив сразу же вслед за басней, - одним из самых популярных стихотворных сатирических жанров XVIII в. В итоге эпиграммы и эпитафии заняли видное место в творчестве не только тех, кто считал деятельность сатирика своим основным профессиональным делом, но и большинства крупнейших поэтов более широкого профиля, среди которых можно отметить не только Г.Р. Державина, М.М. Хераскова, но и И.И. Хемницера (1745-1784), В.В. Капниста (1758-1823) [1, 6]. Хотя большинству из этих авторов не удалось выйти за пределы привычной эстетики классицизма, все же в рамках этого направления их эпиграммы и эпитафии нередко приобретали эталонный характер, а

отдельные строки становились афоризмами, например, эпиграмма В.В. Капниста из цикла надолго переживая своих создателей. Такова, «Встречные мысли»:

Всяк любит искренность; всяк говорит: будь прям;
А скажешь правду - по зубам [6, с. 123].

Весьма дальний «родственник» популярного в наши дни нано-эпиграмматиста-однострочника В. Вишневского И.И. Хемницер уже тогда умел сжать стихотворную миниатюру до одной-единственной строки. Например, говоря о даме: «Рай на лице её, однако в сердце ад»; или о скупердяе: «Он умер, чтоб расход на кушанье сберечь» [10, с. 139]. Довольно трудно объяснить проявленное российской эпиграмматикой несколько

негативное отношение к медицине: врач в ней долгое время был одним из самых заметных персонажей. Остается считать это национальной особенностью наших литераторов. Причем такая тенденция была заметна уже на самом первом, «корневом» этапе истории отечественных малых жанров. М.М. Херасков, судя по характеру его миниатюр, медицину также особенно не жаловал:

Искусный медик ты, мы все о том слышали.
Которые в твоих руках ни побывали,
Те после никогда в болезни не впадали
Затем, что уж они с постели не вставали [6, с. 189].

Искусные врачи хвалимы должны быть,
Что могут в крайностях они нам пособить.
Ты хочешь, и тебя чтоб также похвалили,
Что многим пользою твои рецепты были.
Хвалю. Кому ж явил ты пользу ону?
Себе, аптекарям, церковникам, Харону [7, с. 238].

Пив много, пьяница в велику немощь впал.
Чтоб боль свой разорвать, он медика призвал
И говорит ему: «Я лихорадкой стражду,
Причём безмерную всегда имею жажду:
Чтоб медику болезнь по правилам лечить,
Хотел он наперёд в нём жажду утолить.
Больной ему на то: «Лечи моё ты тело.
А жажду утолить, моё то будет дело» [7, с. 193].

Рука об руку с эпиграммами, в Россию XVII-XIX вв. приходит и традиция посмертных эпитафий. Например, строки на памятнике Абраму

Ганнибалу, знаменитому «арапу» Петра I и прадеду А.С. Пушкина, гласят:

Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил, путь к вечности устроил [9, с. 195].

Замечательные образцы малых жанров, ставших уже своеобразным вариантом поэтического творчества, появляются в XVIII-XIX вв. и появляются под пером Г.Р. Державина, В.А. Жуковского (1783-1852), И.А. Крылова (1769-1844) и других

поэтов. Многие работы носят анонимный характер, так как атрибутировать их специалистам так и не удалось. Вот «державинский» образец – эпитафия Екатерине II, написанная в 1796 г:

Сия гробница той ковчегом мрачной стала,
Которая венец, как солнца луч, горел,
Души – Россия не вмещала,
Славе – вечность лишь предел [7, с. 187].

Достаточно интересны и эпиграмматические эпитафии В.А. Жуковского:

Прохожий, удались! Во гробе сон священный;
Судьба почивших в нем покрыта грозной тьмой.
Надежда робкая живет их пепел тленный...
Кто знает, что нас ждет за гробовой доской!
Как утром на цветах весенняя роса.
Едва она на сей земле блеснула,
С улыбкою на здешний мир взглянула,
И вознеслась на небеса [2, с. 34].

На новый уровень русская сатира выходит в первой половине XIX столетия, ознаменовав себя расцветом таланта баснописца и переводчика всемирно известного французского автора Ж. де Лафонтена - И.А. Крылова. Причем если у А.П. Сумарокова и его последователей господствовал сословный и этнографический подход к изображению жизни, то у И.А. Крылова виден качественный скачок - в его творениях отражается все, что воистину социально и национально [2]. Так, вместо условных Дамонов и Глупонов появляются простецкие: кум Фома, Лука, Федька и Ерема. Отличное знание истоков творчества французских авторов, свежесть и конкретность жизненных образов, неповторимые краски окружающего мира, обилие реалистических деталей были уже далеко не отдельными особенностями стиля, имевшими место у некоторых предшественников. В баснях И.А. Крылова эти признаки, сливавшиеся в единое целое и определившие

качественно иной тип художественного видения и изображения действительности, обеспечили появление того, что абсолютно чуждо эстетике классицизма - восприятие самой жизни как трагикомедии [2, с. 123]. Все это имело как прямое, так и косвенное влияние на малые литературные жанры, которые охотно заимствовали модернизированную демократичную тематику, современный язык и стиль, создавая новое качество. Вполне очевидно, что промежуточные отношения эпиграммы и эпитафии с целым рядом иных жанровых образований делают богатство их возможностей воистину неисчерпаемым [4, 5].

Пушкинское время стало, пожалуй, пиком в развитии русской версии эпиграмматического жанра. Поэт взял на вооружение весь арсенал накопленных до него приемов и создал множество острых и проникновенных сатирических миниатюр. Причем наиболее ярко удавались А.С. Пушкину эпиграммы-портреты, например:

На Н.М. Карамзина

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута [7, с. 283].

На Колосову

Всё пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любви
Набеленная рука,
Размалеванные брови

И огромная нога! [8, с. 267].

Пушкинские шедевры – легко запоминающиеся миниатюры, схватывающие самую суть события или человека, ставшие настоящим явлением в литературе XIX в. В них меткое и красивое слово

облекалось в непредсказуемо очаровательные формы, иногда просто переполненные снайперской насмешкой гения:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной [8, с. 265].

Творчество поэта стало воистину символом расцвета малых жанров в российской поэтике. Не случайно любимый «песенник» наших сограждан А.А. Григорьев (1822–1864) подарил Родине летучую фразу: «Пушкин это наше всё» [6, с. 267]. При этом именно Александр Сергеевич был первым, кто настойчиво подчёркивал, что эпиграмме

должны быть присущи не только остроумие, но и такт. Правда своей эпиграммой на графа М.С. Воронцова «Наше всё» еще раз показал миру, как часто теория расходится с практикой: истинной причиной появления такой жесткой эпиграммы был совсем не граф, а его жена, которая очень понравилась влюбчивому поэту:

На М.С. Воронцова

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что станет полным наконец [8, с. 174].

А граф, по историческим слухам, был человеком порядочным и к поэту относился вполне лично.

Разумеется, как и любой текст, содержащий иносказания и элементы эзоповского языка, эпиграммы и эпитафии требуют для правильного и своевременного понимания наличия определённой литературной эрудиции. Иначе ни ассоциации и цитаты, ни каламбуры и аллитерации, как и прочее литературное «дальнобойное вооружение» никогда не будут попадать в цель [5]. По традиции еще античных времен, помимо фактического наследия, А.С. Пушкину, как и всем великим поэтам, на основании догадок и предположений приписывалось еще многое из неатрибутированного материала. Сам же поэт собрал лишь пятьдесят наиболее значимых для него собственных эпиграмм и хотел издать их отдельной книгой, но изрядная их часть содержала ту или иную

политическую составляющую, что и сделало его план неосуществимым в условиях достаточно жесткой цензуры того времени [3]. Так, известно, что по законам эпиграмматического жанра (композиция от вопроса к ответу, лаконизм, игра слов) построены многие фрагменты «Евгения Онегина» и комедии А.С. Грибоедова (1795-1829) «Горе от ума» [8, с. 287]. Тексты этих произведений легко разделяются на двух- и четырехстишия, которые давно уже вошли в устную речь, причем в те годы, когда публикация грибоедовской комедии была еще запрещена.

Расцвет эпиграмм и эпитафий пушкинской поры выразился и в их более значительном удельном весе среди других литературных миниатюр. Ярким примером могут служить эпиграммы П.А. Вяземского (1792-1878) и М.Ю. Лермонтова (1814-1841):

Уездный врач Пахом в часы свободы
От должности убийственной своей
С недавних пор пустился в переводы.
Дивлюсь, Пахом, упорности твоей:
Иль мало «перевел» в уезде ты людей? [7, с. 238].

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит.
Но не о том, что жизни друг лишился:
Пять раз забыл он взять билеты за визит! [7, с. 295].

В пост-пушкинское время, по выражению исследователя М.И. Гиллельсона [8, с. 185], «были единичные, разрозненные выстрелы, а в целом с середины 1830-х до середины 1850-х гг. эпиграмма «присмирела» и ждала подходящего часа, чтобы обрести второе дыхание». Но и когда «оно открылось», жанр эпиграммы, всё теснее примыкая к памфлету, не совершил принципиальных открытий – сохранялась ориентация на эпиграмму А.С. Пушкина, вплоть до прямых реминисценций и цитат [3, с. 167].

Во второй половине XIX в. эпиграмма как жанр с головою уходит в политическую сатиру, и её

публицистические возможности резко возрастают за счёт слияния с энергетикой фельетона. В малых формах, ассимилировавших лучшие традиции пушкинского времени, появляется всё больше резко обличительных, крамольных эпитетов и гротескной деформации предмета [9, с. 156]. Однако большая часть образцов этого жанра в это время живет «в людях» анонимно, поскольку мишенью зачастую является сам монарх со своими царедворцами, включая министров. Вот типичная сатира конца 60-х гг., принадлежащая перу талантливого эпиграмматиста Н.Ф. Щербины (1821-1869):

Выбросили сор мы –
Вновь торим дорожку,
Делая реформы
Из кулька в рогожку [6, с. 297].

Известный поэт-эпиграмматист А.М. Жемчужников (1821-1908) так описал особенности современного ему «прогресса»:

Он рос так честен, так умен,
Он так радел о меньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятиях [7, с. 178].

Поэт и философ Владимир Соловьев (1853-1900) очень характерно закончил опубликованную в 1887г. эпиграмму «Современное

воспоминание», ставшую его возмущенной реакцией на церковные гонения, которым подвергся Л.Н. Толстой:

Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Хотя за грех иной, чем Билеам –
Заграждены уста твоим пророкам,
И слово вольное дано твоим ослам [7, с. 284].

Выводы. В целом, уже в конце XIX - начале XX вв. эпиграмма, хорошо ассимилировав традиции пушкинского времени и активно впитывая остроумные уроки революционно-демократической журналистики, начинает перемещаться из узкой студийной атмосферы серебряного века в

широкую литературно-художественную жизнь, чувствуя себя в ней довольно вольготно. Именно это и определило ее дальнейшее эволюционное развитие в отечественной литературе.

1. Васильев, В. Е. Беглый взгляд на эпиграмму // Русская эпиграмма. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 3–26.
2. Жуковский, В. А. О басне и баснях И.А. Крылова. – Москва, 1972. – 134 с.
3. Мальчукова, Т. Г. О жанровых традициях в «Антологических эпиграммах» А.С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. – Петрозаводск, 1986. – С. 64–82.

4. Мучник, Е. М. // Ironic: ироническая и юмористическая поэзия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ironicpoetry.ru/authors/muchnik-evgeniy/> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Пронин, В. А. Теория литературных жанров: учеб. пособие. – Москва: Изд-во МГУП, 1999. – 196 с.
6. Русская эпиграмма XVIII – XX вв. / под ред. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан. – Ленинград: Советский писатель, 1988. – 783 с.
7. Русская эпиграмма // Под ред. В.Е. Васильева. – Москва: Художественная литература, 1990. – 367 с.
8. Сумароков, А. П. Избранные произведения. – Ленинград: Советский писатель, 1957. – 213 с.
9. Щербакова, О. Н. История русской эпиграммы // Кириллица [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyrillitsa.ru/posts/625-istoriya-russkoj-epigrammy.html> (дата обращения: 10.10.2024).
10. Эпиграмма / под ред. А.М. Арканова. – Москва: Эксмо, 2005. – 382 с.

THE MAIN FEATURES OF THE FORMATION OF EPIGRAMMATIC STYLE IN RUSSIAN LITERATURE

© 2024 S.R. Nedbaylik, N.K. Dmitrieva

*Sabina R. Nedbaylik, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of
the Department of German and French Languages at the Institute of Foreign Languages*

E-mail: snedbaylik@mail.ru

*Natalia K. Dmitrieva, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages of Natural and Technical Directions and Specialties*

E-mail: nataliadmitrie@yandex.ru

**Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia**

The article regards main trends of the epigrammatic style evolution in Russian literature of different historical periods. In this connection, a diachronic review of peculiar features and manifestations of this genre is made, with accentuating its genetic links with small folklore literary forms, such as: ditties, nursery rhymes, joke songs, proverbs, sayings, jokes and many others. Speaking about the importance of historic literary traditions in the formation of Russian epigrammatic style, as such, the author pays tribute to the doubtless originality and singularity of the so called «accusatory word» genre, which for a long time existed in parallel with various folklore forms. This is precisely what has created great possibilities for such a wide variability of peculiar and characteristic features of epigrammatic style in Russian literature. The results of large theoretical and practical material complex analysis carried out in the frame of given study give full grounds to assert that the best small epigrammatic genre traditions have found their reflection and worthy continuation in all historical epochs and have an indisputable prospect of further successful development at present and in future.

Keywords: epigram, folklore, epitaph, genre, style, form, Russian literature

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-57-65

EDN: OJCIEN

1. Vassilyev, V. E. Beglyj vzglyad na epigrammu (A quick look at the epigram) // Russkaya epigramma. – Moscow: 'Hudozhestvennaya literatura', 1990. – s. 3-26.
2. Zhukovskiy, V. A. O basne i basnyah I.A. Krylova (About the fable and fables of I. A. Krylov). – Moscow, 1972. – 134 s.
3. Maltchukova, T.G. O zhanrovyyh traditsiyah v 'Antologicheskikh epigrammah' A.S. Pushkina (About genre traditions in the "Anthological epigrams" of A. S. Pushkin) // Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya. – Petrozavodsk, 1986. – S. 64-82.
4. Muchnik, E.M. // Ironic: ironicheskayai y umoristicheskaya poeziya (ironic and humorous poetry). [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://ironicpoetry.ru/authors/muchnik-evgeniy/> (data obrashcheniia: 10.10.2024).
5. Pronin, V. A. Teoriya literaturnykh zhanrov: uchebnoye posobie (Theory of literary genres: studies. stipend). – Moscow: Izd-vo MGUP, 1999. – 196 s.
6. Russkaya epigramma XVIII - XX vv. (The Russian epigram of XVIII - XX centuries) / Pod red. M. I. Gillellsona, K. A. Kumpan. – Leningrad : 'Sovetskij pisatel', 1988. – 783 s.
7. Russkaya epigramma (Russian epigram) / Pod red. V.E. Vassilyeva . – Moscow: 'Hudozhestvennaya literatura', 1990. – 367 s.
8. Sumarokov, A. P. Izbrannye proizvedeniya (Selected works). – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957. – 213 s.

9. Shcherbakova, O. N. Istoriya russkoj epigrammy (The History of Russian Epigram) // Kirillica [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://cyrillitsa.ru/posts/625-istoriya-russkoj-epigrammy.html> (data obrashcheniia: 10.10.2024).
10. Epigramma (Epigram) / Pod red. A. Arkanova. – Moscow : Eksmo, 2005. – 382 s.